

острые ощущения, кроме того, сленг – это коллективная игра, а игры со словом – лучшее занятие для молодых и пытливых умов.

1. Васильева А.Н. Основы культуры речи. - М., 1990. – С. 47.

2. Кронгауз М.А. Игровой механизм выбора вторичной номинации//Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум. Труды и материалы.- М.:МГУ, 2009. - С. 112.

Түйін

Сленг, динамикалық жүйе бола отырып, сандық мөлшері болып ғана өзгермейді, ол сапалы да өзгереді.

Summary

Slang being a dynamical system is changed both quantitatively and qualitatively.

ЛАКУНЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ

А.Д.Маймакова –

к. филол.н., и.о. доцента КазНПУ им. Абая

Изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью является характерным для современной лингвистики. На первый план выдвигается исследование языка с учетом языковой личности и языкового коллектива. В этой связи можно отметить все возрастающий интерес к национально-культурному аспекту исследования языка.

Лакуны больше, чем какие-либо другие лингвистические явления, характеризуют национально-культурные особенности того или иного языка, той или иной лексической системы в сравнении с другими.

В семантическом пространстве сопоставляемого языка существует понятие, выраженное словом исследуемого языка, но оно может быть передано лишь сочетанием слов, развернутым описанием, а не отдельным словом. Такие пропуски, пробелы в лексической системе языка называются лакунами (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, провал, полость; от франц. *lacune* – пустота, брешь) /1,120; 2,6; 3,58 и др./.

Лакуны выявляются только при сопоставлении языков. Ср., например, русские слова *будильник, баранина, горбушка, дворник, дошкольник, отчим, свекровь* представлены лакунами в казахском языке и передаются в нем словосочетаниями: *қоңыраулы сағат, қой еті, нанның шетінен кесілген тілігі, қора тазалаушы, мектеп жасына дейінгі бала, өгей әке, қайын ене*. С другой стороны, лакунами в русском языке являются казахские слова *қазы¹, ысыы, қазақуар, нағашы, бөле, башпай*, которые по-русски можно передать только расчлененно: *реберная часть лошади; умеющий обрабатывать копчением шкуру, из которой делают кожаную посуду; владеющий казахским языком и хорошо знающий быт, нравы, обычаи казахов; родственники по линии матери; двоюродный брат, двоюродная сестра по линии матери (только дети родных сестер); пальцы ног*.

Таким образом, лакуны – это пустоты в соответствующих нишах семантического пространства данного языка, появляющиеся в результате отсутствия в нем лексически оформленного понятия, эквивалентного понятию, закрепленному в языковой норме другого языка. Строго говоря, в этом случае мы имеем дело с незаконченностью процесса формирования понятия в данном языке, поскольку, как верно замечает В.И.Жельвис, для нас не безразлично, воспринимается ли понятие как единое целое, или, наоборот, оно воспринимается как нечто расчлененное, состоящее из набора нескольких объединяемых им отдельных /4, 139/.

Возникновение лакун может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, появление лакун связано с различием соответствующих культур. Например, в русском языке, кроме слова *каша₁* ‘сваренное на воде или молоке кушанье из крупы’ /5, II, 42/, имеется несколько однословных обозначений разновидностей этого кушанья: *завариха* ‘овсяная, ячная, пшеничная или ржаная кашка’ /6, I, 558/, *крупеник* ‘кушанье из гречневой каши, запеченной с творогом и яйцами’ /5, II, 138; 6, II, 202/, *кутья₁* ‘кушанье из риса или другой крупы с медом или изюмом, которое едят на похоронах и на поминках’ /5, II, 156; 6, II, 227/, *тыквенник* ‘каша из разваренной тыквы с крупой’ /5, IV, 432; 6, IV, 447/, *пшеник* ‘крутая каша на молоке и яйцах’ /5, III, 568; 6, III, 546/, *пшенка* (прост.) ‘пшенная каша’ /5, III, 568/, *размазня*

(разг.) ‘жидкая каша’ /5, III, 613; 6, IV, 34/, *овсянка*¹ (разг.) ‘каша из овсяной крупы’ /5, II, 583; 6, II, 641/, *гречка*₃ (разг.) ‘гречневая каша’ /7, II, 256/, *манка* (разг.) ‘каша из манной крупы’ /7, II, 257/, *перловка* (разг.) ‘каша из перловой крупы’ /7, II, 257/ и др. В казахском языке всем этим обозначениям соответствует одно слово – *ботқа* ‘күріш, тары т.б. жармадан бөктіріп жасалатын қою тағам’ /8, II, с.388/ – ‘густое кушанье, сваренное из риса, пшена и других круп’. Ср. также однословные обозначения разновидностей бутылок для вина (водки), с вином (с водкой) в русском языке: *бутылка*₂ (прост.) ‘удлиненный, с узким горлышком сосуд с вином или водкой’, *мерзавчик*₂ (прост.) ‘маленькая (около полстакана) бутылочка с водкой’, *пол-литра*₂ (прост.) ‘бутылка водки емкостью 500 куб. см’, *поллитровка* (прост.) ‘то же, что пол-литра’, *пузырек*₃ (прост.) ‘бутылка вина’, *сотка*₃ (устар.) ‘винная посуда (бутылочка или стакан) емкостью в 1/100 часть ведра’, *четвертинка*₂ (разг.) ‘бутылка водки или вина емкостью в четверть литра’, *чекушка* (прост.) ‘то же, что и четвертинка’, *шкалик*₂ (устар.) ‘винная посуда (бутылочка или стаканчик) емкостью в 1/8 штофа’, *штоф*₁² (устар.) ‘четырёхгранная бутылка водки, вина емкостью в 1/10 ведра’ /7, II, 346/ и др. Их всех объединяет лексема (слово-понятие) *бутылка*. В казахском языке всем этим словам соответствует заимствованное из русского языка слово *бөтелке*, исконно (собственно) казахское *шиша*² ‘сұйық зат құю үшін арнайы жасалған шыны ыдыс; бөтелке’ /8, X, 231/ – ‘специальная стеклянная посуда для жидкостей; бутылка’ и диалектное *шөлмек*² ‘сұйық зат құюға арналған шыны ыдыс; бөтелке, шиша’ /8, X, 268/ – ‘стеклянная посуда для жидкостей; бутылка, шиша’.

С другой стороны, в казахском языке есть большое количество однословных обозначений разновидностей верблюда: *түйе* ‘бір немесе екі өркешті, күйіс қайтаратын ірі мал’ /8, IX, 317-318/ – ‘одногогорбый или двугорбый верблюд’; *нар*¹ ‘жалғыз өркешті, асыл тұқымды ірі түйе’ /8, VII, 320/ – ‘одногогорбый крупный верблюд ценной породы’; *аруана* ‘бітеу өркешті, таза тұқымды нар; түйенің ұрғашысы, мая’ /8, I, 351/ – ‘одногорбая верблюдица из лучшей породы верблюдов’; *үлек* ‘аруананың еркегі’ /8, IX, 74/ – ‘самец верблюдицы аруана’ (одногогорбый самец-производитель после четырех лет, которого держат для приплода); *бура* ‘айыр түйенің келеге түсетін еркегі; аталық түйе’ /8, II, 457/ – ‘чистопородный двугорбый верблюд-производитель (начиная с пяти лет)’; *атан* ‘піштірілген, ақталған түйе’ /8, I, 423-424/ – ‘холощенный двугорбый породистый верблюд-самец (свыше пяти лет)’; *атаниша* ‘піштірілген жас түйе’ /8, I, 424/ – ‘двугорбый холощенный верблюд (между тремя и пятью годами)’; *қоспақ*¹ ‘айыр түйе мен нарды будандастырудан алынған түйе тұқымы’ /8, VI, 367-368/ – ‘верблюд, полученный от скрещивания двугорбой верблюдицы и нара (одногорбого верблюда)’; *іңген* ‘түйенің ұрғашысы, мая’ /9, II, 525/ – ‘двугорбая породистая верблюдица (пяти и более лет)’; *іңгеніше* ‘двугорбая чистопородная верблюдица (с четырех до пяти лет)’; *біртума* ‘үлек пен айыр іңген буданынан болған бірінші ұрпақ’ /8, II, 622/ – ‘верблюд первого поколения, полученный от скрещивания улека (одногорбого верблюда) и двугорбой породистой верблюдицы’; *бек-патша* ‘өркешінің ортасы кезетгі түйе’ /10, 133/ – ‘верблюд, у которого середина горба с “ложбинкой” и мн. др. Эти обозначения объединяет слово-понятие *түйе*. В русском языке всем этим словам соответствует *верблюд* (и *верблюдица*).

Во-вторых, возникновение лакун обусловлено особым членением тождественных отрезков реальной действительности разными языковыми коллективами. Об одном и том же явлении реальной действительности у одного народа может быть общее, целостное понятие, не членимое на части и обозначающее одним словом широкой семантики, в то время как другому народу свойственны более узкие понятия о разновидностях этого явления, его частях, осознаваемых как отдельные феномены и обозначаемых отдельными лексическими единицами. Ср. в русском языке для обозначения лица женского пола от рождения до вступления в брак, наряду со словом *девочка* употребляется и слово *девушка*. В казахском языке этим словам соответствует одно слово *қыз* с нерасчлененной семантикой ‘дочь, девочка, девушка’. См. *қыз* ‘1. әйел бала, сәби, 2. күйеуге тимеген, бойжеткен’ /8, VI, 546/ – досл. ‘ребенок, младенец женского пола, 2. незамужняя, на выданье, достигшая брачного возраста’. Ср. также: русский язык для обозначения лица мужского пола по отношению к женщине вообще и к своей жене, в частности, использует соответственно слова *мужчина* и *муж*. В казахском языке этим обозначениям соответствует одно слово – *ер*. С другой стороны, в казахском языке по сравнению с русским языком имеется больше однословных обозначений каждой из дочерей в отношении к другим детям этих же родителей: *ана* ‘бірге туған қыздардың үлкені, әкпе’ /8, I, 289/ – ‘старшая сестра’, *әкпе* ‘туыс жағынан жасы үлкен қыз, әйел’ /8, I, 601/ – ‘старшая сестра’, *сіңлі* ‘бірге туған жасы кіші қыздың апасына туыстық қатынасы жағынан аталуы’ /8, VIII, 514/ – ‘младшая сестра в отношении старшей сестры’, *қарындас* ‘бірге туған жасы кіші қыздың ағасына туыстық қатынасы жағынан аталуы’ /8, VI, 118/ – ‘младшая сестра в отношении старшего

брата'. В русском языке всем этим словам соответствует слово *сестра*. Ср. также обозначения каждого из сыновей в отношении к другим детям этих же родителей в казахском языке: *ага* 'бiрге туған ер адамдардың жасы үлкенi' /8, I, 201/ – 'старший брат', *іні*₁ 'бiрге туған ер адамдардың жас жағынан кішісі' /8, X, 438-439/ – 'младший брат', *бауыр*²₂ 'жасы кіші іні, қарындас' /8, II, 169/ – 'младший брат по отношению к старшей сестре'. В русском языке этим обозначениям соответствует одно слово – *брат*. Для казахского языка в данном случае релевантными оказываются, во-первых, дифференциация по возрасту и, во-вторых, пол лица соотнесения.

В рассмотренных примерах несовпадение лексических единиц русского и казахского языков по отраженному в них уровню обобщения действительности выявляет так называемые векторные, родовые-видовые, или гиперонимические-гипонимические лакуны.

Известно, что лексически фиксированные понятия в двух языках по объему далеко не всегда совпадают: часто понятия, находящие лексическое выражение в одном языке, оказываются шире соответствующих понятий другого языка, как бы включают в себя последние, т.е. являются родовыми относительно видовых понятий другого языка. В.Л.Муравьев /2,14/, пользуясь образным сравнением, уподобляет языки двум наблюдателям, один из которых рассматривает вещь издали, в то время как другой, находясь вблизи нее, различает более мелкие детали.

Б. Харитонова видовыми (концептуальными) лакунами называет случаи, когда в языке сравнения имеется несколько взаимосвязанных слов, несущих родовые понятия, в то время как в исследуемом языке существует только лексически оформленное родовое понятие, т.е. гипероним /11, 34/. И.А.Стернин считает такое соответствие неадекватным, поскольку оно не передает основных, ядерных дифференциальных сем слов, имея при этом более обобщенное значение, т.е. являясь гиперонимом. Такие лакуны он обозначает как денотативные гипонимические лакуны, которые представляют собой отсутствие гипонимов в исследуемом языке.

Если в языке сравнения имеется гипероним, понятие которого в исследуемом языке лексически не оформлено, а существуют лишь лексически оформленные гипонимы, то такая лакуна, по Б.Харитоновой и И.А.Стернину, называется родовой концептуальной (гиперонимической) лакуной /11; 12, 46/.

Как замечает В.Л.Муравьев, отсутствие в одном из языков общего родового понятия вовсе не свидетельствует об «отсталости», «недоразвитости» одного языка, а также не всегда является пережитком первобытного мышления. Векторные видовые лакуны, будучи тесно связаны с жизнью народа, являются прежде всего признаком значимости тех или иных понятий в той или иной цивилизации /2, 37/.

В-третьих, появление лакун обусловлено тем, что данный язык не обращает внимания на некоторый предмет, явление или процесс, поскольку это для него не важно, в то время как другой язык замечает его и закрепляет в словесном знаке. Ср., например, в казахском языке нет слов, соотнесенных по значению с русскими *лакомка*, *сластена*, *однолюб*, *дошкольник*, *старшекласник*; точно также как в русском языке нет лексических единиц, соответствующих по значению казахским *базаршы*, *малсақ*. Однако это вовсе не говорит о специфичности данных понятий в русской и казахской культурах. Понятия действительно оказались незамеченными языком – соответственно казахским и русским, но не сознанием носителей данных языков.

Незакрепленность понятия в языковой норме данного языка свидетельствует скорее всего о его коммуникативной нерелевантности для данного языкового социума. Если возникнет коммуникативная потребность в лексической объективации, то данное понятие будет названо. Ср. казахские *тәттіге құмар* (русск. *лакомка*, *сластена*), *мектеп жасына дейінгі бала* (русск. *дошкольник*), *жозарғы класс оқушысы* (русск. *старшекласник*); русские *отправляющийся на рынок или возвращающийся оттуда* (каз. *базаршы*), *любящий скот; заботящийся о скоте; умеющий выращивать скот* (каз. *малсақ*).

Лексическая невыраженность некоторого понятия в языке в конечном счете, на наш взгляд, может найти себе культурно-историческое или социальное объяснение. Например, существование слова *малсақ* в казахском языке и отсутствие его словарного эквивалента в русском языке связано с тем, что разведение пастбищного скота было главным занятием казахского народа. Скот составлял его главное богатство, служил источником благополучия, материалом для изготовления одежды и жилища, транспортом, являлся основной пищей. Как пишет Ч.Валиханов, "кочевой степняк ест и пьет, и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: "Здоров ли твой скот и твое семейство?" Эта забота, о какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует быт кочевников более, нежели целые страницы описаний" /13, II, 28/.

Для русского народа разведение домашних животных являлось занятием второстепенным (после земледелия). Земля и рожденный ею хлеб – вот главное богатство, источник благополучия и счастья для русского человека. Поэтому у русского народа прежде всего ценилось умение работать на этой земле, заботиться о ней, т.е. качества земледельца, настоящего хозяина на этой земле.

Необходимость создания специального наименования *малсақ* в казахском языке и отсутствие такой необходимости в русском языке, следовательно, может быть объяснена различной степенью общественной значимости скотоводства в хозяйственной деятельности казахского и русского народов.

Рассмотренные выше типы лакун Л.С.Бархударов относит к случайным лакунам /14, 95/, Ю.С.Степанов, Ю.А.Сорокин и И.Ю.Марковина – к абсолютным лакунам /1, 120-121; 15, 38/, В.Л.Муравьев – к абсолютным лингвистическим лакунам /2, 6-7/, И.А.Стернин – к немотивированным лакунам /16, 63/.

Л.С.Бархударов определяет случайные лакуны как единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка /14, 95/. Например, в английском языке нет лексической единицы, соответствующей по значению русскому *сутки*, хотя само это понятие существует в обоих языках. Поэтому его приходится передавать на английский язык описательно: либо как *twenty-four hours* ‘24 часа’, либо как *day and night* ‘день и ночь’.

В.Л.Муравьев так объясняет причину появления в языке абсолютных лакун: «...внеязыковая реальность, окружающая русских и французов, может быть абсолютно идентичной, и все же один язык замечает и лингвистически оформляет те стороны этой действительности, которые другой язык предпочитает не выражать» /2, 7/. Несомненно, среди французов есть люди, которых можно назвать русскими словами *сластена*, *размазня*, *лежбебока*, но точных эквивалентов в виде слова или устойчивого словосочетания к этим словам во французском языке не существует.

В.Г.Гак, занимаясь сопоставительной типологией французского и русского языков, не употребляя термина, описывает по сути именно этот тип лакун: «Отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке. Классическим примером подобных лакун является отсутствие слов, равнозначных русским *сутки*, *кипяток*» /17, 244/.

Под (лексической) лакуной понимается, таким образом, отсутствие лексической единицы в языке при наличии концепта в концептосфере /18, 39; 19, 13; 20/. По данным А.А.Залевской /21/, когда испытуемых просят вспомнить те или иные слова, предъявляемые им в эксперименте, они часто осуществляют подмену слова на близкие по значению – следовательно, в сознании испытуемых представлен концепт, а к нему уже подбирается подходящее слово. Об этом же пишет Е.М.Верещагин: «Многочисленны свидетельства о том, как трудно подобрать нужное слово для выражения мысли... Субъективно переживание «мук слова» сводится к тому, что человек обладает «мыслью», для которой не находится слова...» /22, 44/.

Вспоминая забытое слово, мы отчетливо осознаем, представляем ментальный образ (концепт), который нам нужно выразить адекватным словом, и перебираем подходящие слова. Вот как описывает этот процесс американский психолог У.Джеймс: «Допустим, мы пытаемся вспомнить забытое имя. В нашем сознании существует как бы провал... но эта пустота чрезвычайно активна. Если нам в голову приходит неверное слово, эта уникальная пустота немедленно срабатывает, отвергая его». Это значит, что в действительности в нашей памяти имеют место не пустоты, а концепты-образы, которые «ищут» себе форму языкового выражения /Цит. по: 23, 22/. Следовательно, в лексической системе нашего языка есть активные, «живые» провалы, пустоты, впадины, углубления, заполненные скрытыми «заместителями», подстановками значений, некоторыми их «потенциями», облегчающими общение и тесно связанными с человеком, с его национальным, культурным и прочим опытом /24, 6/, т.е. лакуны.

Концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе (= лакуны), существуют в национальной концептосфере и обеспечивают мыслительную деятельность в той же степени, что и концепты, названные языковыми знаками национального языка. Эти концепты являются базой мышления личности /25, 21/. Концепты возникают как результат отражения действительности и зависят в своем содержании от нее, а не от языка, удовлетворяя потребности мышления.

В системе языка номинируется все то, что является в обществе предметом обсуждения, но вовсе не все то, что становится предметом мышления. Заметим, что подавляющее большинство наших мыслей, суждений вовсе не предназначены для сообщения, они обслуживают исключительно сферу мышления.

Таким образом, лакуны являются ярким проявлением своеобразия лексики национальных языковых систем. Существование лакун указывает на наличие в обеих сопоставляемых лингвокультурных общностях соответствующих предметов и связанных с ними понятий, последние, однако, в одном из языковых социумов хранятся на невербальном уровне и не имеют словесного обозначения и только при необходимости могут быть пояснены языком. Исследование лакун, проливающих свет на своеобразие членения сознания-реальности разными языковыми культурами, способствует выявлению семантических и структурных особенностей сопоставляемых языков.

1. Степанов Ю.С. *Французская стилистика*. – М.: Высшая школа, 1965. – 356 с.
2. Муравьев В.Л. *Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков)*. – Владимир: ВПИ, 1975 – 97 с.
3. Стернин И.А. и Харитоновна Б. *Опыт описания национально-культурной специфики слова на материале русского и немецкого языков // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов*. – Калинин: КУ, 1984. – С. 57-67.
4. Жельвис В.И. *К вопросу о характере русских и английских лакун // Национально-культурная специфика речевого поведения / А.А.Леонтьев, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов*. – М.: Наука, 1977. – С. 136-146.
5. *Словарь русского языка: В 4 т./Под ред. А.П.Евгеньевой*. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т.2. – 1986. – 736 с.; Т.3. – 1987. – 752 с.; Т.4. – 1988. – 800 с.
6. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.* – М.: Русский язык, 1998. – Т.1. – 699 с.; Т.2. – 779 с.; Т.3. – 555 с.; Т.4. – 688 с.
7. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю.Шведовой*. – М.: Азбуковник, 2000. – Том 2. – 762 с.
8. 10-т. *Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы ред. бас. А.Ы.Ысқақов*. – Алматы: Ғылым, 1974-1986. – 1-т. – 1974. – 696 б.; 2-т. – 1976. – 695 б.; 6-т. – 1982. – 624б.; 7-т. – 1983. – 672 б.; 8-т. – 1985. – 591 б.; 9-т. – 1986. – 560 б.; 10-т. – 1986. – 512 б.
9. *Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі / Жалпы ред. бас. І.К.Кеңесбаев*. – Алматы: Қазақ ССР Ғылым академиясының баспасы, 1961. – 2-т. – 1974. – 535 б.
10. *Күйеу келтір, қыз ұзат, тойынды қыл: Әдеби-этногр. талым / Құраст. Б. Әлімқұлов, Е. Әбдіраманов*. – Алматы: Санат, 1994. – 240 б.
11. Харитоновна Б. *Национальная специфика семантики русского слова (на материале существительных лексических полей «Человек», «Быт» и «Народное хозяйство» учебника «Русский язык» для подготовки дипломированных учителей русского языка в ГДР): ҚД*. – Воронеж, 1987.
12. Стернин И.А., Флекенштейн К. *Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии: Учеб. пос.: В 2 частях*. – Halle, 1989. – 120 с.
13. Валиханов Ч.Ч. *Собрание сочинений в пяти томах*. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской советской энциклопедии, 1984-1986. – Т.2. – 1985. – 416 с.
14. Бархударов Л.С. *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
15. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. *Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун. Методологические и методические аспекты// Лексические единицы и организация структуры литературного текста: Сб. науч. тр./ Отв. ред. В.П.Волперский*. – Калинин: КГУ, 1982. – С. 35-52.
16. Стернин И.А. *Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления // Языковая семантика и образ мира*. – Казань: КУ, 1997. – Кн. 1. – С. 62-64.
17. Гак В.Г. *Сравнительная типология французского и русского языков*. – М.: Просвещение, 1989. – 288 с.
18. Попова З.Д., Стернин И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. – Воронеж, 2003. – 191 с.
19. Маслова В.А. *Введение в лингвокультурологию*. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
20. Марковина И.Ю. *Лакуны как инструмент описания специфики локальных культур // Проблемы организации речевого общения*. – М.: ИЯ АН СССР, 1981. – С. 161-181.
21. Залевская А.А. *Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование*. – Воронеж: ВУ, 1990. – 208 с.

22. Верецагин Е.М. Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку / Под ред. А.А.Леонтьева и Т.В.Рябовой. – М.: МГУ, 1967. – С. 39-75.
23. Язык и мышление. Программа спецкурса, материалы для самостоятельной работы / Сост. И.А.Стернин. – Воронеж, 1997. – 28с.
24. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Том 52. – № 1. – М., 1993. – С. 3-9.
25. Попова З. Д., Стернин И. А., Чарыкова О. Н. К разработке концепции языкового образа мира //Язык и национальное сознание: Мат-лы науч.-практ. конф. – Воронеж, 1998. – С. 21-23.

Түйін

Мақала өзін лингвомәдени феномен тұрғысынан көрсететін лексикалық лакуналарға арналған. Айтылған лакуналардың тілде пайда болу себептері қарастырылады.

Summary

This article is devoted to the lexical gaps, which represent linguo-culturology phenomenon. The causes of the said gaps are considered.

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

И.М.Куликова -

Сургутский государственный университет, г.Сургут

Процесс интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на основе развития экономических связей и средств коммуникации, обозначаемый понятием глобализации, приводит к стремительному расширению культурных контактов и обмена, заимствованию культурных ценностей. Итогом столь резкого возрастания количества прямых контактов между социальными группами и индивидами, представляющими разные культуры, является стирание граней между «своим» и «чужим». С другой стороны, это обусловило культивирование интереса к этнической самобытности, поиск исторических корней, стремление к возрождению и консервации традиционных культур.

Этнические культуры финно-угорских и других, так называемых «малых», народов России выдвигают писателей и художников, творчество которых ориентировано на сохранение традиционных представлений, – Ю. Шесталова, Е. Айпина, Г. Юшкова, Е. Рочева, С. Попова, А. Ванеева, А. Попова, А. Ельцова, М. Федотова, С. Орлова, А. Неркаги и других.

Безусловно, развитие этих культур шло и продолжает идти разными темпами, с преобладанием в них различных тенденций. Вместе с тем существование их в пределах общего культурного пространства России, культурно-генетическое родство, культурно-исторические связи (например, коми с хантами и манси), а следовательно, сходство мировоззренческих и эстетических установок обусловили и моменты сближения этих культур. Н. Бассель, оспоровший выделение П. Домокошем в литературах финно-угров семи типологических подгрупп, считает, что в отдельные группы должны быть сведены, с одной стороны, - литературы коми и народов Поволжья, а также карельская как «младописьменные» литературы, и с другой стороны – литературы народов Зауралья и саамская как «новописьменные» литературы (1, с.142).

Правильность положений Н.Басселя подтверждается характером развития культур этих народов. До 60-х гг. литература и изобразительное искусство финно-угорских народов Предуралья и Поволжья по форме и содержанию представляли собой достаточно целостное явление, основанное на традициях реалистического направления. Тематика и стилистика работ отражали идеалы эпохи, провозгласившей в качестве основных ценностей героизм и трудовые подвиги. Литературы финно-угорских народов Зауралья